

ДВА ДРУГА

Бежал хрипя, дрожа и спотыкаясь,
Зажав в руке, как дорогой алмаз,
Бумагу ту, что дорого досталась,
В бумаге той - подписанный приказ.

Грудь разрывало, все огнем горело,
И насквозь пот одежду пропитал
В боку колело, резало, болело,
Почти без сил он все бежал, бежал..

Так жалобно скрипели открываясь
Ворота. Как назло, заел засов,
За проволокой колючей раздавались
Охраны крики, лай свирепых псов.

"Да открывайте! Вы оглохли что ли ?!!!!"
В глухие стены с хрипом он орал,
Стучал в ворота яростно; до крови
Он кожу с кулаков своих содрал...

По темным коридорам брел шатаясь,
Сознание накрывала пелена
Давила боль, клонила в сон усталость,
И едкой солью пот изъел глаза.

Живым щитом охранники стояли,
Держа на мушке каждый его вздох,
Но тут же карабины опускали
Взглянув в бумаги маленький клочок.

Он проходил и сам себе не верил:
Приказ в бумаге силою владел -
Замки любые и любые двери
Беспрекословно открывать велел!

Конвой смотрел в немом недоумении
На это изможденное лицо,
На слезы, на дрожащие колени,
На плечи, как налитые свинцом.

В глазах и сумасшествие и смелость.

Без сил, и еле стоя на ногах

Он судорожно сжимал, как драгоценность,

Бумагу в окровавленных руках.

.

Он не сдавал на жертвенность экзамен;

Водимый страхом, горем сокрушен,

Он знал, что здесь, в тюрьме, в одной из камер

Был к смерти его друг приговорен.

.

И в этом горе чувства притупились.

Представить он не мог, что навсегда

Из братских двух сердец, что вместе бились,

Одно не будет биться никогда.

.

Вошел как пьяный в камеру сырую,

Где друг сидел, весь сжавшись, на полу,

И тишину прорезав гробовую

Сухой язык промолвил как в бреду:

.

"Я здесь...с бумагой...обвинения сняты.

Все, что решил военный трибунал

...отменено. Вернешься в строй солдатом...

Сам Президент бумагу подписал.

.

...Там во дворе для казни все готово...

Вставай, браток, прочесть все поспеши...

Там от тебя не требуется много-

Ты лишь бумажку эту подпиши..."

.

.

Вот старый хутор. Речка. Два оврага

И первые шаги к большой войне...

Здесь в пыльной куче детская ватага

Мутузила друг друга на земле.

.

Прикладывали подорожник к ранам,

И в драках не привыкли уступать,

И часто плача на краю оврага,

Плечом к плечу клялись они стоять.

.

Там озорное эхо разносило

Их детских клятв наивные слова,

А время шло, и дружбу их скрепило,
И эта дружба братскою была.

Одна мечта в груди у них горела -
В кадетский корпус вместе поступать,
И скоро молодых два офицера
Пришли распоряжения получать.

Сам Президент на торжество приехал,
Всем офицерам лично руки жал,
И двум друзьям-отличникам успеха
И верности на службе пожелал.

Один служить был послан на границу,
Другому - роль при штабе отвели.
Им жизнь открыла новую страницу -
Служить на благо их родной Земли.

Один не раз был в перестрелках ранен,
Не раз пришлось лежать в сырой траве...
Стал новый китель быстро продырявлен
Там, на посту, в тревожной тишине.

Там воевать он быстро научился,
Знал как от пуль беречь своих солдат,
Он возмужал и в мыслях изменился,
На лбу морщинок появился ряд...

Другой всегда подтянутый и чистый,
Вел переводы, карты составлял,
Но путь бойца рискованный, тернистый
На службе этой он не испытал.

Война в страну нагрянула внезапно.
Один - к боям привычен, закален,
Другой - начальству предоставил рапорт;
Служить на фронте отпросился он.

Как тесен мир...Так Бог распорядился,
Чтоб двух друзей в один призвали полк,
Чтоб план их жизней на Земле свершился,
И в назидание послужить нам мог...

Друзья друг друга видеть были рады

В тот час суровый на передовой.
Один - искусный на войне, бывалый,
Другого - ждал лишь первый в жизни бой.

Он собственному страху удивлялся,
В смятении чувств во всем винил войну...
Он правду сам себе сказать боялся,
Что он напуган в этом быть адУ.

Его тошнило от солдатских трупов,
Лежавших стройным рядом в стороне,
Закоченевших...Так казалось глупо
Единственную жизнь отдать войне...

Там раненые помощь ожидали,
И волос сам от ужаса вставал,
Когда он слышал, как они кричали...
Те, кто на поле боя побывал...

Горн звонко протрубил к атаке новой,
Дрожь в теле вызвал барабанов бой,
Облившись потом, как водой холодной,
Услышал ада страшный звук живой.

Объятия смерть радушно распахнула,
Кровавой пастью тяжело дыша,
Приблизившись, в глаза ему взглянула,
И провалилась в этот ад душа...

И словно кто замедлил жизни пленку,
Снаряд увидел...Он взорвал виски
И, оглушив, швырнул его в воронку,
Где были мяса свежие куски...

И тут рука...схватила, потянула,
Встряхнула, указала на врага,
Поставила на ноги, подтолкнула...
Ведь это - друга верная рука.

Кричит бежать, ругается безбожно...
Клубится черный дым над головой...
На поле боя, сколько видеть можно,
Смерть косит жизни острою косой.

Упал опять на ватные колени,
Пополз поспешно под ближайший куст,
Там трясся в диком нервном исступлении,
Смертельно бледный лишь шептал "...боюсь..."

.
В лице от страха смерти исказился,
Скулил побитым маленьким щенком,
Сам не заметил - много обмочился
Там, в крохотной ложбине, под кустом...

.
Фронт не прощает трусость офицера.
Он не прощает бегство от врагов.
В своем полку он стал живым примером
Ничтожества, достойного плевков.

.
Унижен, презираем и подавлен,
Военным трибуналом обвинен;
Ему в тот день вердикт был предоставлен -
Он к смертной казни был приговорен.

.
Погоны офицерские сорвали...
Когда через солдатский строй вели,
Все как один с презрением плевали
Лишь друг сказал: "Держись, браток...терпи..."

.
Лишь он один его не постыдился.
Он верность в своем сердце не предал
И в час ночной терзался и молился,
И выходы из тупика искал...

.
Теперь никто...никто теперь не смеет
Вердикт о смерти другу отменить!
Вдруг новость-гром: "Сам Президент приедет!
Наш бравый полк решил он посетить"..

.
"Сам Президент?!!! Так вот оно - решение!
Я встречу! Я увижу! Я пробьюсь!
Я на коленях вымолю прощенье!
Держись, браток! Я за тебя борюсь!"

.
Он загодя оправился к дороге,
Бежал вперед под ливнем проливным,
Грязь липкой жижей облепила ноги
И потешалась чавкая над ним.

.
Рукою вязкой сапоги срывала;
Он падал в грязь с размаху и вставал,
Часы прошли, усталость накрывала,
А он вперед отчаянно бежал.

.
Увидел - экипаж вдали несется,
Он на дороге будто бы прирос,
Стал на колени, сердце гулко бьется
И на коленях по грязи пополз...

.
Остановились кони. Дверь открылась.
Охрана карабины навела...
А из него.....вдруг все в слезах излилось
Когда увидел - вот Его рука!

.
Он, как умел, все описал словами,
Смеясь и плача друга вспоминал,
Просил и клялся...горькими слезами
Он руку Президента поливал...

.
Он трусости не видел оправдания,
Он знал: бесспорно друг виновен был,
И в этом замкнутом кругу отчаянья
О Милости для друга лишь молил.

.
Все как во сне...Вот папка, вот бумага...
Перо по ней чернилами скрепит,
Спокойный голос среди вопля ада
Слова прощенья тихо говорит...

.
Сургуч горячий тонкой струйкой льется,
Печать с гербом он формирует в круг.
И тот же голос эхом раздается:
"Какое счастье в жизни - верный друг!"

.
И насквозь мокрый, в возбуждении нервном
Вслед экипажу он рукой махал,
А ливень шел и занавесом серым
Навеки эту встречу закрывал...

.
От холода и нервного озноба
Так зубы непослушные стучат...
"Всего три мили до тюрьмы...немного..."

Ты должн их преодолеть, солдат!"

Вошел как пьяный в камеру сырую,
Где друг сидел, весь сжавшись, на полу,
И тишину прорезав гробовую
Сухой язык промолвил как в бреду:

"Я здесь....с бумагой.....обвинения сняты.
Все, что решил военный трибунал
....отменено. Вернешься в строй солдатом....
Сам Президент бумагу подписал..."

...Там во дворе для казни все готово...
Вставай, браток, прочесть все поспеши...
Там от тебя не требуется много-
Ты лишь бумажку эту подпиши..."

Но тот сидел. Пустой взгляд, отрешённый
По стенам равнодушно пробегал,
Приказ заветный, кровью окроплённый,
Он из дрожащих верных рук не взял.

Там за решеткой воробьи галдели,
Весна вступала в новые права,
А друг, уткнувшись в воротник шинели,
Промолвил: "Уходи...Оставь меня!"

Напрасно он просил его подняться,
Напрасно плечи друга сильно тряс,
Напрасно убеждать его пытался -
Не верил тот в подписанный приказ.

Он слышал марш охраны в коридоре,
Еще сильнее метался и кричал,
Пока вращался ключ в дверном засове
Бумагу в руки ватные совал...

Конвой развел их у ворот тюремных...
Тюрьмы начальник всякое видал,
Оправдываясь как-то неумело,
Ворота открывая он сказал:

"То, что ты сделал - было невозможно...

Но так непредсказуем человек...

Поверить в чудо оказалось сложно ,

Твой друг свое прощенье сам отверг..."

.

Он плакал....он не знал, что так бывает...

Он слышал как приказ был оглашен:

"ТОТ, КТО ПРОЩЕНИЕ ЛИЧНО ОТВЕРГАЕТ,

ТОТ БОЛЬШЕ НЕ СЧИТАЕТСЯ ПРОЩЕН."

.

Он у ворот на землю опустился.

Приказ ненужный на клочки порвал...

Щекой к земле холодной прислонился

И что-то тихо-тихо ей шептал...

.

...Вдруг залпы...

Воробьев в траве вспугнули

И отразились эхом в вышине...

Он содрогался чувствуя, как пули

Вонзались в тело друга во дворе...

.

Хотел, чтоб все как страшный сон забылось,

Слова проклятий посылал войне,

И долго до охраны доносилось,

Как он скулил волчонком на земле...

.

...

.

Пусть каждый, кто читает эти строки,

Казненного не поспешит судить,

Не поспешит произносить упреки...

На этом месте каждый может быть.

.

О! Сколько вас сегодня отвергают

Слова Спасенья, что писал вам Бог,

Не верят в Них, не знают, не читают,

Библейских Истин драгоценных строк...

.

Там, на Голгофе, был Приказ подписан,

Чтоб ты был вырван из смертельных мук,

Он окровавлен был, убит, унижен...

Он сделал все что мог - Иисус...Твой Друг

.

Пусть каждый, кто читает эти строки,

Казненного не поспешит судить,
Не поспешит произносить упреки...
На этом месте каждый может быть.

Elena Stoykova-McEachern
January 06, 2017

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/10866>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com